

Д.Н.Мамин-Сибиряк. Избранные произведения для детей / Рисунки
Е.Мешкова. //Государственное Издательство Детской Литературы,
Москва, 1962
FB2: "Miledi ", 2008-03-09, version 1.0
UUID: 6dc60b43-351f-102b-868d-bf71f888bf24
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Около ноды
(Сказки и рассказы для детей)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0009

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Около ноды

Погода крепчала. По ровной поверхности снегового уровня реки тонкими струйками пробегал мелкий снег, заметавший узкую проселочную дорогу. Небольшие сани, нагруженные до верха кожаными мешками «с почтой», едва тащились по этому сыпучему снегу, точно ехали по толченому стеклу. Небольшая мохнатая лошаденка останавливалась уже несколько раз, фыркала и оглядывалась. Ямщик Евстрат передвигал свою меховую шапку с одного уха на другое и ворчал:

– Эх, не в хороший мы час выехали с тобой, Лука Иваныч... Не пришлось бы заночевать в лесу.

– Ничего не поделаешь: служба...

Лука Иваныч, земский почтальон, представлял из себя что-то вроде ледяной сосуль-

ки. Из-под надвинутой на лицо меховой оленьей шапки с наушниками выглядывали одни глаза, а ниже глаз кончался воротник старой волчьей шубы, присвоенной по штату всем русским почтальонам. Свободного места в санях, занятых почтой, не оставалось, и он, как акробат, приткнулся как-то в уголке, рискуя вылететь из саней каждую минуту. Волчья шуба давно вылезла и плохо грела, и Лука Иваныч, наученный горьким опытом, старался занять как можно меньше места, то есть корчился, поджимая под себя руки и ноги, чтобы не терять живой теплоты. Он на практике выполнял закон физики, который гласит, что чем меньше поверхность нагретого тела, тем оно меньше выделяет собственной теплоты.

– Ничего, Евстрат, как-нибудь доедем, – говорил Лука Иваныч, стараясь не шевелиться, – каждое движение вызывало у него острую боль. – До Каменки всего верст пять осталось...

Евстрат ничего не ответил, а только передвинул шапку с уха на ухо. Он был одет очень плохо и давно начал коченеть на морозе. По-

ложим, для него мерзнуть было делом привычным; но сегодня мороз делался нестерпимым, – было около сорока градусов, когда замерзла ртуть в термометре и мерзла птица на лету.

Терпение мохноногой лошадки, тащившей земскую почту, кончилось. Она остановилась и, несмотря на удары хлыста, не желала двигаться дальше.

– Ишь тварь! – обругался Евстрат.

Он, не торопясь, слез с облучка, обошел кругом сани, отоптал сгрудившийся под передком снег, навалился плечом на оглоблю, дернул вожжами, – лошадка сделала судорожное усилие, но сани точно замерзли в снегу.

– Ишь ты, какая штука вышла... – проворчал Евстрат, передвигая шапку.

Он обошел лошадь, вытер рукавицей снежок, залепивший ей глаза и ноздри, и еще раз передвинул шапку.

– Шабаш, Лука Ивановч... Нету нам дальше с тобой ходу.

Лука Ивановч рассердился.

– Как нет ходу? Всего пять верст осталось... Не замерзать же в снегу?!

– Зачем замерзать, Лука Ивановч... А только лошаденка из последних сил выбилась. Придется в лесу отдохнуть.

Лука Ивановч обругал ямщика. Он мечтал провести ночь в теплой избе, обогреться, закусить чего-нибудь горяченького, напиться чаю из котелка, а тут предстояла ночевка в лесу. Другими словами, приходилось замерзать. В голове Луки Ивановча промелькнул целый ряд самых обидных мыслей, а прежде всего то, что сегодня рождественский сочельник, когда добрые люди сидят у себя по домам и ждут наступления великого дня.

– Какой у нас сегодня день-то? – кричал он на ямщика. – А?.. Ну, какой?..

– Известно какой!.. – спокойно ответил Евстрат. – Сочельник... Добрые люди до вечерней звезды не едят.

Лука Ивановч с тоской посмотрел кругом. Дело уже шло к вечеру. Солнца не было видно, по отражению заката можно было определить его заход. Извилистая горная речка огибала крутой каменистый мыс, за которым виднелась зубчатая стена хвойного леса. Напротив шла по берегу утесистая гряда, покры-

тая редким леском.

«Где же тут ночевать?» – с тоской подумал Лука Иванович, вылезая из саней.

– А ничего, мы нодью устроим, – ответил на его тайную мысль Евстрат. – В лучшем виде переночуем... Еще вот какое тепло разведем. Ты не сумлевайся, Лука Иванович...

Лука Иванович молчал. Он чувствовал только одно, что замерзает.

– Нодью устроим, – повторил Евстрат, передвигая свою шапку.

Лука Иваныч больше ничего не говорил. Он слишком устал и продрог, чтобы спорить с ямщиком. Пусть его делает что хочет... Евстрат побрел по снегу на правый берег, где гребнем каменным врезался в реку крутой мыс. Начинало темнеть. Погода все крепчала. По реке тянул холодный ветер, как по коридору. Откуда-то издали донесся голос Евстрата: «А-у!...» Было уже совсем темно, когда он вернулся.

– Насилу нашел, – объяснил он, едва переводя дух. – Во какую сухарину[1] обыскал... Настоящая еловая. На всю ночь хватит, и от нас еще останется.

Лука Иваныч ничего не ответил. Евстрат взял лошадь под уздцы и повел к берегу, шагая по колено в снегу. Несколько раз лошадь останавливалась, и Евстрат помогал ей тащить сани.

– Ну! Ну! богова скотинка!.. Не бойся...

У самого берега лошадь остановилась. Она окончательно обессилела и стояла понуриив голову.

– Ведь всего-то осталось сажень пятьдесят, – думал Евстрат вслух. – Ну, Лука Иваныч, вылезай... Дальше-то уже, видно, на своих на двоих пойдем. Эх, грех-то какой вышел... Так ты того, Лука Иваныч, значит, выходи...

– А как же, например, почта? – говорил Лука Иваныч, с трудом вылезая из саней.

– Не беспокойся, Лука Иваныч, рукой подать... Вот тут и есть. Вон сухарина-то стоит... А твою пошту я на спине переволоку...

Дорожная истома, холод и безнадёжность вообще привели Луку Иваныча в такое состояние, что он отдался беспрекословно в полное распоряжение Евстрата. Все равно, хоть в медвежью берлогу веди... Подъем в гору Луке Иванычу показался вечностью, пока Евстрат не остановился под «завесистой» елью.

– Вот какое логово устроим, – говорил он, точно попал домой. – Из пушки нас не вышибешь...

По каким-то никому не ведомым законам снег никогда не заносит корней деревьев. Евстрат усадил Луку Иваныча к самому дереву и в несколько минут развел костер из сухой хвой. Это был настоящий лесной человек, ни-

когда не бывавший в городе, и в лесу он был, как у себя дома. Один вид огня произвел на Луку Иваныча оживляющее впечатление. Есть тепло, значит, можно еще жить...

– Ты тут сиди, а я сейчас пошту переволокую, – объяснял Евстрат. – Наше дело привычное... В лесу родились, в лесу и помрем... Местечко-то хорошее, за ветром, – значит, в тепле будем.

Обессилевший вконец Лука Иваныч мог только удивляться выносливости Евстрата, который по мешку перетаскал всю почту под елку, а потом распряг и привел к огню лошадь.

– Тоже вот продрогла богова скотинка, – ласково говорил Евстрат, смахивая с лошади снег. – Пусть прогреется малым делом... А я сейчас, Лука Иваныч, сухарину разрублю для нодьи.

– Хорошо, хорошо...

– А ты того, костер-то подкармливай, штобы не потух.

Скоро в лесу раздались звонкие удары топора, рубившего твердое, сухое дерево. Луке Иванычу сделалось даже немного совестно,

что он сидит у огня барином, а Евстрат работает со всего плеча. Потом послышался треск рухнувшего на землю дерева. А через полчаса к костру Евстрат притащил два обрубка сухарины – один аршина четыре длиной, а другой немного короче. Он так согрелся за работой, что от него валил пар. Лука Иваныч еще в первый раз видел, как устраивают нодью, а Евстрат удивлялся, что существуют на белом свете такие люди, которые не знают такой простой вещи.

– Не замерзать же в лесу, Лука Иваныч... Костер-то пыхнул, – и нет его, а нодья погорит до самого утра, и тепло от нее, как от хорошей печи. Прежде-то ясачил,[2] за Печерой, когда помоложе был. Ну, из дому уходили по первопутку месяца на два... Разный харч...[3] везешь с собой в нарте[4] Тяжеленько доставалось, особенно когда со студеного моря закрутит сиверко. Спать-то приходилось все время в снегу, ну, только и спасались, что нодьей. Мать родная она для нас... И по осеням около нодьи ночевали тоже. Ночи в горах студеные, сам-то весь промокнешь на дожде, а спать приходилось на сырой земле... Ох, всячины

напринимался, когда ясачил.

Евстрат потушил костер и на его месте положил обрубок покороचे, укрепив его по краям четырьмя кольями.

– Ну, а теперь уж ты мне помоги, Лука Иванович, – говорил он, поднимая за конец второй обрубок. – Мы его сверху навалим...

Отогревшийся Лука Иванович с удовольствием принялся помогать. Когда второй обрубок был положен, Евстрат объяснил:

– Ежели плотно их положить, бревешки, друг к другу, так не будут гореть... Нужно забить между ними клинушки так, чтобы руку можно было просунуть. А в паз-то моху набьем да головешку от костра сунем, да угольков подсыплем.

Нодья затлелась. Евстрат, припав на колени, долго раздувал огонь.

– Тоже ей не полагается настоящим огнем горсть, – объяснял он. – Пусть потихоньку тлеет... Ежели положить сосновые или березовые бревешки, так никакого толку не будет: сразу вспыхнут и сгорят. Тоже и пихта не годится... А вот сухая елка самое разлюбезное дело. Ну, теперь готова вся музыка. До утра

протлеет.

Устроив нодью, Евстрат принялся готовить «перину», то есть надрал из-под снега мху и обсыпал его мягкими пихтовыми ветками.

– Прямо на зеленом пуху будем спать, Лука Иваныч. Мы из снега стенки сделаем, чтобы не поддувало с боков. От снега тоже тепло идет, ежели за ветром. Мы-то к этому делу привычные люди...

Луке Иванычу сделалось окончательно известно, когда он растянулся на устроенной Евстратом «перине». Действительно, было и тепло и сухо, и даже уютно. От нодьи тянуло ровным теплом, так что даже было жарко лежать. Евстрат устроил себе такую же перину по другую сторону нодьи.

– А теперь животную обрядим, чтобы не дрогла на морозе, – думал вслух Евстрат.

Он наломал мягких пихтовых веток, сплел из них что-то вроде коврика и накрыл ими дрожавшую от холода лошадь, а потом сходил к оставленным саням и принес небольшую охапку сена.

– Это животной будет вместо чаю... – шутил Евстрат, устанавливая лошадь так, чтобы

и на нее тянуло от нодьи теплом.

Когда было все устроено, Евстрат присел около нодьи на корточки, раскурил деревянную трубочку и проговорил:

– Ну, Лука Иваныч, поздравляю с новосельем... Вот только одна ошибочка вышла у нас с тобой... да. Закусить бы нам с тобой теперь в самый раз, а закусить-то и нечего.

– Забыл взять хлеба?

Евстрат повернул свое загорелое лицо, обросшее, точно болотным мхом, жиденькой бородашкой песочного цвета, и ответил с какой-то больной улыбкой:

– А нету его, хлебушка-то!

– Как нету? – удивился Лука Иваныч.

– А так: нету – и шабаш. Голодуха у нас прошла по всему чердынскому краю... Земля студеная, неродимая... Едва-едва сенцом сколотились для скотинки, да и то в обрез. А уж сами-то кое-как...

– И у меня тоже нет с собой ничего, – признался Лука Иваныч. – Эх, и жизнь только наша почтовая, настоящая каторжная... Хуже ее и не найти, Евстрат. Летом на солнце жарись, зимой на холоде мерзнешь, осенью

дождем тебя мочит, ветром продувает... А в распутицу весной всю душу вымотает по гатям да болотам. В прошлом году у нас один почтальон так-то весной утонул на одной переправе через реку. И речонка-то не велика, а тут весной вот как разыгралась.

Разговорившись о своей почтовой службе, Лука Иваныч почувствовал себя самым несчастным человеком в свете. Да, добрые люди сидят теперь в тепле да ждут праздника, а вот он должен корчиться около нодьи. И ничего не поделаешь: почта не ждет...

– У тебя в городе-то жена есть, Лука Иваныч?

– Есть жена...

– И детками господь наградил?

– Есть и детки... Старшей девчонке уже восьмой год пошел, а Ваньке четыре года исполнилось. У них сегодня елка. Жена-то моя швеей жила у господ и выучилась разным господским порядкам. Одним словом, баловство...

Евстрат не слыхал никогда, как устраивается господским детям рождественская елка, и Лука Иваныч объяснил ему.

– Так, так... – соглашался Евстрат. – Экое житье, подумаешь, вашим городским ребятам... У наших, вон, и хлебушка нет для праздника. Моя старуха испечет ковригу хлеба, так и разделить ее не знает как. Ну, ребятам в первую голову нарежет, а, глядишь, самой-то ничего и не осталось... Вот тебе и весь праздник.

Выкурив свою трубочку, Евстрат отправился спать по другую сторону ног и долго что-то бормотал себе под нос. Лука Иваныч начал сладко дремать. Скверно было только то, что приходилось переворачиваться с боку на бок, когда от ног слишком уж нагревалась одна половина тела. Он долго смотрел на усыпанное яркими звездами небо и думал о том, что теперь делается дома. Елка уже кончилась, и ребята легли спать. Жена что-нибудь работает и, наверное, думает о нем. Хорошая она, заботливая...

– Лука Иваныч, ты спишь?

– Нет, а что?

– Да так... Лежу я и думаю, какое тебе житье-то издалось. Помирать не надо... Ей-богу! И сам сыт, и ребятки, и жена... Поди, и шти

каждый день?

– Да.

– Вот, вот... С говядиной шти-то? Да еще каша, да каша-то с маслицем?.. Хоть бы денек так-то пожить, Лука Иванович. Жалованья-то сколько получаешь?

– Пятнадцать рублей...

– Пятна-адцать? Масленица, а не житье тебе, Лука Иванович...

Лука Иванович проснулся только утром, когда кругом уже было светло. Нодья догорала. Лука Иванович сел на своей «перине» и улыбнулся. Ложился он спать самым несчастным человеком, а проснулся самым счастливым... После вчерашнего разговора с Евстратом у него был праздник на душе.

Примечания

Сухарина – сухое дерево. (Примеч. автора.).

[^^^]

2

Ясачить – охотиться, от слова «ясак» – плата податей мехами.

[^^^]

Харч – съестные припасы.

[^^^]

Нарта – легкие сани для езды на оленях или на собаках. (Примеч. автора.).

[^^^]